ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ.

БУДУЩЕЕ РОССИИ — В РУКАХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ!

НОЯБРЬ 1918 г.

№ 10.

ЦЕНА В МОСКВЕ 2 руб. 25 коп.
ЦЕНА ВНЕ МОСКВЫ 2 руб. 50 коп.

Главная контора и редакция:
Москва, 1-я Мещанская, дом № 50, кв. № 12.
РЕДАКЦИЯ открыта по вторникам и четвергам от 5 — 7 часов вечера.
КОНТОРА открыта по вторн. и четв. от 5—7 час. веч.

Да здравствует мировая анархо-коммунальная революция!

Вечная слава авангарду революции—молодежи!

РУМЯНЦЕВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Красноармейцам.

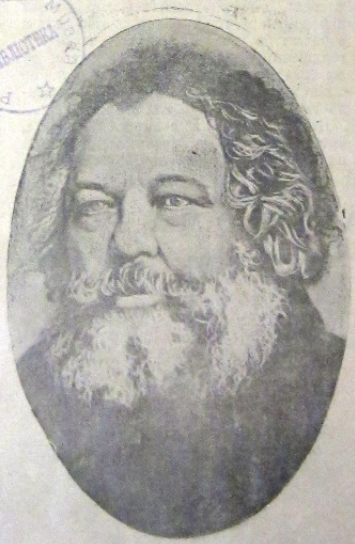
Смелее братья, с песней в бой!
За вами шествуют народы,
Да будет всяк из вас герой
Своей земли, своей свободы!

Смелее братья с песней в бой!
Уж близок день врагов паденья.
Идет победною тропой
Навстречу вам раскрепощенье...

Да не страшит вас жуть боев!
Пройдут печали и невзгоды...
Мы из костей своих врагов
Воздвигнем памятник Свободы.

Кроваво адою зарей
Блеснет апофеоз сраженья!..
Смелее братья! Песню пой!..
За Русь, и, за освобожденье.

А. Гартель.



М. А. БАКУНИН.

Новая жизнь.

Граждане, восстаньте! Заря занимается
Светлого утра надежд.
С неба Свобода на землю спускается
В огненном блеске одежд!

Граждане, проснитесь! Набатом врывается
Колокол новых годин.
Вечное, яркое нам открывается
В солнечной смене картин!

Граждане, восстаньте! Довольно терпенья—
Сиимем проклятье раба.
Пусть пламенеет в нас дух разрушенья
Гневом сменится мольба!

Граждане, восстаньте! Борьба расторается
Двух вековечных начал.
Знайте, что мир тех, кто в высь порывается
Славой бессмертья венчал!

Павел Корелин.

Вечная память великому революционеру М. А. Бакунину.

Социальная революция и роль интеллигенции, как класса.

Минул год со дня октябрьской революции. Разразившись, как буря, и став для многих неожиданностью, она стала сметать со своего пути устои буржуазного мира; она открыла двери светлого рая для всех тех, для кого слова о свободе, равенстве и братстве—не пустой звук.

Теперь пред нами громадная организационная работа по закладке несокрушимого фундамента великого будущего социалистического мира.

В новой обстановке, в той обстановке, в которой пред вами лежат развалины старого ненавистного мира, необходимо самое широкое проявление инициативы всех и каждого. Нет ни времени, ни нужды ждать откуда-то, какие-то силы, которые творили бы революцию за нас; момент самым настоятельным образом диктует молодой интеллигенции, как революционному классу, взять на ряду с рабочей молодежью в свои руки хозяйство страны и с'уметь поставить его так, чтобы другие народы знали нас не только как великих бунтарей, но и как великих творцов социалистического мира. И это тем более налагает на нас ответственность, что трудовая Россия—источник международной революционной волны и его влага должна пройти через все страны мира; только тогда другие народы смогут принять и испить эту влагу, когда она идет из богатого, сильного источника и это будет тем скорее, чем сильнее напор воды из источника. И наша успешная работа по укреплению социализма в России будет лучшим залогом социальной революции других стран.

Славянские государства, как государства полуимпериалистические, оказались более революционными: вслед за Россией вспыхнула революция в Болгарии. Но близок час, когда и устои империалистических государств рухнут, свидетельством чего может служить начавшаяся революция в Австрии и смена правительств в Германии.

Но недостаточно свергнуть Николая, Вильгельма. Необходимо также свергнуть Керенских и Шейдеманов,—как соглашателей с буржуазией за счет трудящегося класса.

Аппарат страны, взятый трудящимися России, только тогда будет творить социальную Россию, когда он будет умело использован трудящимися классами, когда он в руках не только физического труженика—рабочего, но и в руках умственного труженика—интеллигента.

Первые дни социальной революции аппарат страны был почти исключительно в руках рабочих; старая интеллигенция сделала необдуманный шаг и отшатнулась, вследствие чего революция вылилась в более уродливые формы.

Когда интеллигенция поняла, что она сделала глубокую ошибку, упустив из рук аппарат страны, когда она поняла, что революцию не творят в „белых перчатках", она спохватилась, произошел перелом, и лучшая ее часть перешла к рабочим на помощь. Переход части интеллигенции на сторону рабочих сразу же сгладил обострение отношения, не стало косых взглядов, открылась возможность совместной работы.

Но приступив к совместной работе, интеллигенция не проявила должной инициативы в строительстве социального общества. Еще чувствуется, что поступь интеллигенции недостаточно сильна, не в полной силе еще проявлена энергия и здесь-то сказывается, что интеллигенция еще не осознала себя, как класс трудящихся.

А время идет. Инертность, погасшая инициатива убивают революцию, умаляют силы социального творчества.

Великие духом не должны быть гномами при созидании. Великая революция требует великих дел, великих героев. А дала-ли наша революция великих людей в том масштабе, в котором она разгорелась?

Не будьте гномами, будьте великими творцами! Взгляните—пред вами необ'ятное поле деятельности, в ваших руках весь механизм страны, и горе вам, если вы не используете данный вам аппарат, если вы останетесь только чиновниками, только жалкими и ничтожными людишками, а не великими творцами социалистической России.

Ваша работа будет ярким показателем для революции Запада; надвигающаяся там революция будет иметь большой успех, если класс рабочих и интеллигенции Запада пойдут вместе.

Мы верим, что интеллигенция, умудренная опытом революции, найдет свой истинный путь, осознает себя, как класс трудящихся. Ее слово—еще не сказано, но мы верим, что она скоро скажет свое слово, которое будет словом могучего творца социального мира, голос которого прозвучавший с Востока заставит прислушаться западные народы.

Москва, 4 го ноября 1918 г.

Н. МАРКОВ.

ИЗ АЛЬБОМА РОССИИ.

Село Ильино, Липецкого уезда, Тамбовской губ. Река Воронеж.

„Что делать“.

Александр Ге.

Александр Юлиевич ГЕ—анархист-коммунист председатель Всемирной Лиги анархистов.

„Что делать?“ — Покиньте среду, где Вы родились и где смотрят на народ, как на бездушное стадо, идите к этому народу с верой в него, с желанием помочь ему. Там Вы найдете себе работу.

„Речи бунтовщика“— П. А. Кропоткин.

На распутьи стоит сейчас русская интеллигенция. На распутьи стоит сейчас наша молодежь—великая в прошлом, с опозоренным настоящим и без всякого будущего. Словно умерли или ушли куда-то в подполье Нежданов и Марианна, словно сыны прокляли дела своих отцов и то, что гибли на барикадах Рудины,—стало обыкновенной каретой прошлого, в которой далеко не уедешь. Надо смотреть на факты прямо и прямо говорить о них. Много было и есть причин, подготовивших эпоху упадка русской интеллигенции. Можно винить в этом и мировую войну, и кажущуюся неожиданность революции, но больше всего надо винить себя, винить ту свою распущенность и неорганизованность, которая заставила интеллигенцию дела, интеллигенцию силы покориться интеллигенции начесанных проборов, галунов, выпушек, галифэ и шпор.

Уже год прошел с тех пор, когда масса взяла на себя почин разрушать и созидать. Уже год идет эта работа. На сгнивших теориях, формулах и схемах государственности, вырастает новое и здоровое, мощное и великое, вырастает—коммунизм, вырастает то, о чем только мечтали предки.

И вот, когда среди полчищ работников-строителей невольно начинаешь искать и не находишь тех, которые раньше так много говорили о любви к народу, то становится обидно и больно и за себя и за всю молодую интеллигенцию.

На все те обвинения, которые возводятся сейчас на нее, не приходится возражать, ибо в данный момент возражать можно только с фактами в руках, а этих фактов почти нет, вернее, совсем нет. Наивно было бы при всякого рода самооправданиях ссылаться то на „декабристов“, то на „мартовцев“: и те и другие принадлежали только самим себе, и те и другие в свое время не встретили сочувствия у большинства современной интеллигенции.

Как и прежде, сейчас существуют два лагеря интеллектуально развитой молодежи, два лагеря противостоящих друг другу—один изменил себе, изменил народу и работает не для себя и не для народа,—это интеллигенция внешности; другой не изменил никому, он не ушел в подполье, а ушел в самого себя, он бездеятелен потому, что не разрешилось его „что делать“—это интеллигенция духа.

„Что делать?“—вопрос дня.

„Что делать?“—вопрос жизни и смерти.

Что же в самом деле надо делать.

Отвечу словами П. А. Кропоткина: И Вы еще спрашиваете, „что делать“.

„Что делать, когда ничего еще не сделано, когда целой армии молодых сил, готовых пожертвовать своими способностями, энергией и талантом, не хватило бы на то, что-бы помочь народу в предпринятой им грандиозной работе“. В чем же дело то? Работы много, работники нужны, а многие и многие из интеллигентов все продолжают тяготиться проклятым неразрешенным вопросом.

Чем же об'яснить то, что так нерешительно и робко подходим теперь мы к новому строительству? А тем, что и раньше, и теперь, отличительной и характерной чертой интеллигенции вообще было и есть „приспособливание“. И она приспособлялась сперва к идее крестьянского движения, потом рабочего, наконец, к идее революционного террора и народовластия, а теперь, когда революция быстро, решительно оставила далеко позади все эти к ней приспособливания, когда идея притворилась в жизнь, а личины, грезы и миражи интеллигенции умерли, самой собой-то станет понятной та нерешительность, с какой подходит к работе здоровая и большая часть русской молодежи, хотя пора, давно пора ей отрешиться от подобного самообмана, пора наконец понять то, что есть в мире одна только великая реальность, и реальность эта—человеческая индивидуальность, пора забыть слепые отвлеченные понятия государства, народа и т. д., пора начать жить а не копошиться, устраиваться и приспособляться, пора приступить к решению тех задач, которые выдвинул великий исторический переворот перед каждым вообще и перед интеллигенцией в частности.

Одной из таких задач является собирание и возстановление интеллигенции как класса, способного стать революционным, вольным, как класса, для того, чтобы в дальнейшей социалистической творческой работе не подчиниться тем элементам лже-интеллигенции, которые продолжают вести линию векового приспособления.

Одним из путей к решению этой первой и главной задачи является путь организации всей интеллектуально-развитой молодежи, под лозунгом „кто не с нами, те против нас“.

Организация той молодежи, которая способна сплотиться в единую семью вольных общинников, в федерацию групп и союзов, всецело стоящих на страже бытия революции, на страже завоеваний трудового народа.

Товарищи! Довольно, пора одуматься, пора перестать презирать ту жизнь, которая разлита вокруг Вас и которую Вы не видите и не знаете.. Пора уйти и этой среды, которая призывала жить понятием только о „своем домике“. Пора заняться устройством своего будущего и возсозданием революционной молодежи, как вольного союза, стоящего на страже интересов социальной революции, свободы, братства, равенства, справедливости и великого творца новой жизни—народа!

Александр Уранский.

А. А. Корелин.

Аполлон Андреевич КОРЕЛИН—анархист коммунист, член В. Ц. И. К., автор книги „Государство и анархисты“.

К портретам АЛ. ГЕ и А. КОРЕЛИНА.

А. Ю. Ге в пределы России вернулся с наступлением октябрьской революции; большая часть его деятельности протекла в эмиграции („Швейцария). Известен как видный публицист-оратор и теоретик анархизма; был членом В. Ц. И. К. четвертого созыва, известен по расхождению в тактике с Московской Федерацией анархистских групп. В настоящее время ведет организационную социалистическую работу в Пятигорске, ему 37 лет.

А. А. Корелин еще будучи гимназистом, проявил себя как борец за народ; в те молодые годы он привлекался по делу Желябова, Перовской и др.; в 1905 году руководил окопными революционными отрядами затем, как и многие другие, эмигрировал в Швейцарию и Францию. В пределы России был допущен в период октябрьской революции. В настоящее время состоит членом В. Ц. И. К.; ему 50 лет.

Кто Она? Она это—та прекрасная незнакомка, одно прикосновение которой исцеляет раны одних и облегчает страдания другим. Она—начало все разрушающее, но вместе с тем, и все вновь созидающее. Это она избрала своим лозунгом: „долой все дряхлое, да здравствует юное". Она та, с кем связывали свою судьбу многие поколения и на которую молились тысячи несчастных.

Она—Великая Русская Революция.

Кто же мы? Та ли молодежь, которая сражается и умирает там, на Волге, на Дону, на Урале, в рядах иноземных полчищ, борясь против красной народной армии, та ли, которая здесь, в тылу, в центре России, одурманенная старым воспитанием и старыми навыками, изнутри подкапывается и всеми силами подрывает народную защиту; или же, мы: та молодежь, в трудный момент не покинувшая родную страну, родной народ, а помогшая ему в строительстве новой жизни и поддержавшая его в тяжелой борьбе за святые заветы равенства, братства и справедливости.

Да, мы из вторых. Мы из народа, потому и с ним, и для нас нет другой возможности, нет другого пути. Мы из тех, кто приветствует революцию, кто с ней связал свою жизнь, свои надежды и чаяния, кто наполняет ряды ее армии и борится за ее идеалы.

Наши души и наши тела молоды и потому мы можем быть только солидарны с ней, несущей обновление всему и освежающе-молодящей все живое.

Мы сильны, мы юны и мы смелы и, об'единенные общими интересами с революцией, верим в нашу совместную, пока еще далекую, но приближающуюся победу.

Мы не во всем согласны с теперешними вождями России, во многом мы расходимся, и расходимся коренным образом, но, расходясь, мы твердо памятуем, что если с теперешней властью мы расходимся во многом, то со всякой другой, мы разойдемся во всем. И до тех пор пока мы это будем помнить, а это будет всегда, мы не пойдем ни против Революции, ни против ее Вождей.

Мы—анархисты, и мы и Она—вместе.

Что же нам дал Союз с Ней? С Ней—Великой Победительницей, нам свободной молодежи? Или он остался бесплодным?

Нет! Она воспитала в нас революционный дух свободы и борьбы. Она вырвала нас из пошлого мещанства и перенесла, хотя и на тернистую, но все же на широкую дорогу, ведущую к победе человеческого гения, к победе его лучших идей и идеалов. Она раскрепостила нашу волю, нашу безвольную, дряблую волю. Она сделала ее сильной, она сделала ее крепкой, она сделала ее вольной и непобедимой.

Нашу подлую мелкую душенку она превратила в великую носительницу железного могущества, железной силы и железной воли.

И с такой волей мы бесстрашно пойдем вперед! И с ней мы победим! Вперед! Вперед!

М. Т.

Москва, 4-го ноября 1918 г.

Я как буря.

Я—как буря стремителен,
Безпрепраден мой ход,
Мой удар сокрушителен,
И без промаха бьет.
Я сомнений не ведаю,
И мне страх не знаком,
Умываясь победою
Я смеюсь над врагом,
Я крещен бурей гордою,
Я тяжелым дождем;
Волю крепкую, твердую,
Дал мне бешеный гром.
Меня молния белая,
Обняла закрутясь,
И, ликующе—смелая,
В моем сердце зажглась.
Я под огненной пляскою,
Средь качанья светил,
Нерушимою связкою
Наш союз закрепил.
К познал откровенья,
Несгоравших планет,
Взял у медного гения
Буревторный завет.
Я железною лапою,
Неуклонен как бык.
Цепи дальния хапаю,
Я—как буря велик.

Сергей Поляков

Жизнь Рабочей Молодежи.

Разгрузка и продажа газет в Москве.

Рис. П. Голованова.

В толпе.

Как странно мне!—Земля заговорила,
И люди от нее на миг оторвались.
Отпанув все, что не было и было,
На миг один заторопились в высь.
Как странно мне...—Искусною рукою
Мне сердце распаяв, простерли над землей.
На миг один меня увлек с собою
Поток людской, гудящий, огневой.
И плакать я хотел в порыве умиленья,
И видел я тогда, что с этою толпой,
Сцепляя в тонкие, бесчисленные звенья
Меня соединил миг вечности седой.

Н. Кудрявцев.

Я—тот.

Я—тот весенний, тот желанный,
Который все себе возьмет.
Я—небывалый, ураганный,
Лишь для меня земля цветет.
Я—тот, о ком все девы грезят
В моей безумной красоте,
Я—столб, которого не сверлят,
Железный столб на высоте.
Я—тот, кому пылают струны,
Я—тот, о ком гремят везде,
Я—победитель свежий, юный,
Я—самый лучший на земле!

Сергей Поляков.

Памяти великаго художника русской женщины.

(1818—1918).

Елена, Наталия, Марианна... один за другим встают предо мною образы „тургеневских женщин“. Часто обращается и всегда будет обращаться к ним наша мысль. Они—„образы прошлого“ русской женщины, и это историческое прошлое в изображении великого художника так дорого нам—их детям. Мы с жадным интересом читаем о них повествованье, проникаемся их печалью и радостью, разделяем их тревогу, их искания и неясное еще чаяние какой-то новой, далекой, но желанной для них жизни...

Тургенев проницательно подметил в женщине современной ему эпохи назревшееся умственное брожение, ее неудовлетворенность, стремленье вырваться из тех узких рамок, в которые заключили ее условия быта.

Еще неясные побуждения, предчувствия, заполнившие душу Елены („Накануне“), были уловлены чутким художником, и он нашел на своей палитре краски для передачи их туманных еще, не определившихся...

В противоположность другому великому художнику Л. Толстому, видевшему идеал женщины в лице Наталии Ростовой и княжне Болконской и не желавшему признать и оценить в личности женщины иных качеств и стремлений, как только качества и стремления семьянинки, ушедшей исключительно в личную жизнь, как будто забывшей о существовании всего остольного мира,—Тургенев прислушался к иным, более широким запросам женской души в этом его неоценимая заслуга.

Такие женщины, как, напр, Наташа Ростова и княжна Марья, всецело отдавшись семье, хоть и поставили пред собою высокую задачу—воспитание детей,—но могут ли они выполнить эту задачу достойным образом, отчуждившись от общества?

Не впитывая в себя широко влияний окружающей жизни, стоя от нее в стороне, живя замкнуто, исключительно узко-личными интересами, человек утрачивает связь с современностью, духовно опускается, тупеет и... такая то личность—в роли воспитательницы подрастающего поколения!..

„Тургеневские женщины“, наоборот, являются с развитым чувством общественного служения, и, как жаль, что Тургенев не показал нам „своей“ женщины в семейной обстановке; но мы и без того с уверенностью можем сказать, что она по своему духовному складу оказалась бы и тут куда выше Наташи Ростовой, и роль воспитательницы в ее лице заслуживает больших симпатий, чем в лице Наташи.

Тургенев представил нам русскую женщину во весь ее духовный рост, такою, какова она должна быть в окружающей ее обстановке и в условиях современного ей быта, не умаляя и не преувеличивая ее достоинства и недостатки.

Он показал, что женщина может быть сильной и смелой. Наталия („Рудин“) в решительную минуту своей жизни не теряется, готова смело встретить житейские невзгоды и затруднения, в то время как мужчина Рудин проявляет жалкую растерянность, и его робость перед действительностью так сильна, что он жертвует ей любовью. Примеров сильной женщины много в творчестве Тургенева.

С неутолимой духовной жаждой, „женщины Тургенева“ ищут применения в жизни своим духовным силам, которые, не найдя иного применения, уходят целиком на любовь.

В чувство к любимому человеку вкладывают они всю свою душу, возносят это чувство на идейные высоты и готовы за него на подвиг...

Сильная, смелая, с развитым чувством общественного служения,—вот идеал женщины Тургенева, и этот идеал писатель находит в русской действительности.

Всегда стоявший на страже общественных течений, Тургенев не обошел молчанием и первые шаги русской женщины на ее пути к самоопределению.

И каждая русская женщина не может не вспомнить с благодарностью любимого писателя родной земли, оставившего в наследие векам неоценимый вклад—чудную галлерею женских портретов, глядя на которые мы глубже и всесторонне изучаем русскую женщину в ее исторических судьбах.

Е. Горлова.

Поэт из деревни.

Мой стих не звучен и тяжел,
Без рифмы гладкой:
Из бедной хижины пришел
Поэт с тетрадкой.

Из бедной хижины принес
Он песню эту...
Мой друг!—За тайну горьких слез
Прости поэту.

И не вини его ни в чем,
Не требуй много:
Где жизнь кипит и бьет ключем
Там жди иного.

Не забавлять пришел я слух,
Нет:—эти слезы
В твоей душе, мой милый друг,
Взойдут как розы.

В. Крейдич.

ЖИЗНЬ И ПОЭЗИЯ.

(Рассуждение об отношении поэзии к жизни).

Что такое поэзия и какое место занимает она в жизни,—вот вопрос, над которым задумывается как поэт, так и просто мыслящий человек.

Жизнь прошлых веков у разных народов оставила по себе много воспоминаний, хранящихся в памяти народной и передающихся потомству. Эти воспоминания о жизни прошлых веков большей частью не являются *точными* документальными данными из жизни той или иной эпохи, но почти всегда предстают пред нами в переработанном виде, опоэтизированные, разукрашенные народной фантазией.

Действительность всегда одинакова; она была и будет такой, какова есть, т.-е всегда человек будет страдать, всегда будет тянуться к недостижимому идеалу и никогда не достигнет полного удовлетворения. Но все-таки, несмотря на недовольство жизнью, действительностью, человек все-таки восклицает: я жить хочу!.. Для чего жить? Все ответят на этот вопрос по-своему. Пушкин, как известно, сказал: „Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать“...

Другой поэт 30-х годов, забытый теперь,- И. П. Клюшников, человек, замученный рефлексией и порой впадающий в мрачный пессимизм и безверие, в другое время восклицает: „Дар мгновенный, дар прекрасный, жизнь, зачем ты мне дана?—Ум молчит, а сердцу ясно: жизнь дана жизни мне дана. Все прекрасно в Божьем мире“...

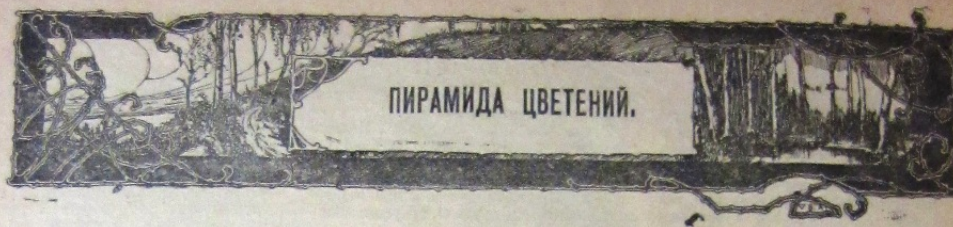
Жуковский, протерпевши удары жизни и часто впадающий в меланхолию, говорит:

„О, нет, не ропщу на Зевесов закон,
И жизнь и вселенна прекрасны!..
Все небо нам дало, мой друг, с бытием,
Все в жизни к великому средство,
И горе и радость—все к цели одной,
Хвала жизнодавцу—Зевесу!“

Надежда, окрыляющая жизнь человеческую, является одним из замечательных стимулов жизни. Человеку свойственно носить в душе своей идеал, идеал лучшей, современной жизни, и тянется он из оков серенькой действительности к радужному идеалу своей фантазии, к своей мечте, к своему счастью. Надежда открыляет его, а фантазия рисует картинки будущего в ярких заманчивых красках и манит, завлекает человека...

В воображении всегда все заманчивей и ярче, чем в действительности, и оно то, т.-е. воображение, и заставляет человека любить жизнь, являя ее преображенной и улучшенной, а поэзия, как продукт ума и воображения преимущественно, как наиболее яркое выражение желанных грез и идеалов, являя внутреннему взору нашему жизнь прекрасную, в радостях и в страданиях заманчивую, полную духовных прелестей и красоты, сильно способствует нашей привязанности к жизни. Поэзия культивирует любовь к жизни; она обращает пессимиста в оптимиста, неверующего в верующего.—Вот каково отношение поэзии к жизни и ее заслуга перед ней.

Е. Анимова.



ПИРАМИДА ЦВЕТЕНИЙ.

Более чем уверен,—каждый из читателей постарается раскрыть себе символ заглавия данного произведения. Я приду на помощь сам. В ряде отрывков я хочу порассуждать, помечтать, если хотите, поговорить о молодости. Вот из этих-то отрывков я и хочу сложить пирамиду цветений—пирамиду молодости. Чтобы быть понятным и оправданным, я вкратце выражу мои принципы. Скажу словами Китса: „Я нисколько не уважаю публику и вообще ничего не уважаю, кроме Вечного Существа, памяти великих людей и принципа красоты". Добавлю к этому „кроме" еще „кроме страдания". Итак мне хочется поговорить о молодости. Ошибается тот, кто захочет увидеть в этих отрывках какое-либо систематическое или схематическое сочетание мыслей и настроений. Впрочем, к чему я теряю столь времени на об'яснения,—сами увидите. В жизни существует нелепое мнение. Говорят так: „он в молодости много работал—теперь может и счастливо и хорошо пожить". Если-бы только знали подобные слепцы, как они заблуждаются. Молодость отнюдь не должна быть понимаема, как какая-то почва, на которой выращиваются цветы жизни. Молодость сама по себе—не средство, а цель, а цель эта называется жизнью. Только в молодости мы ощущаем жизнь во всей ее полноте. В другое же время жизни мы чувствуем и мыслим только наполовину *). Молодость—зенит, которого достигает солнце жизни. Разве жизнь не похожа на годовой путь солнца? Старая, избитая истина А если это так, то все лучшее, все мудрое, все красивое мы должны взять от молодости и дать ей. Я, как поэт, беру жизнь как только любовь. И мне хотелось бы чтобы вы вместе со мной воскликнули вслед за Мюссе: „О, любовь—основа мира"! Плоха и несостоятельна та молодость, которая не основана на любви. Любовь вообще, любовь в принципе. Любовь к мышлению, поэзии, живописи, музыке. Наконец, любовь к труду, как ктаковому. Намереваясь говорить дальше, я уже чувствую, что кто то уже поморщился и удивился, а поэтому я и заявляю, что приятно послушать меня будет тем, кто увенчивает свою молодость лепестками роз, озаряет лунным сиянием, чьей молодости имя—волшебство. „Я взвешивал выгоды разных профессий, перебирая одну за другой, но не чувствуя влечения к какой-либо из них, я просто отдался своим мечтам" („Исповедь сына века" Альфред де-Мюссе). Будем молоды, только молоды, и тогда мы поймем друг друга. Могут понять, что я из молодости создаю какой-то бал,—бал внешности, беззаботной, смешливой и неглубокой. Молодость—вовсе не блестящая вереница балов,—в, ней много скорби, и чем больше ее, тем нежнее и утонченнее вырастают обаятельные цветы жизни. Кто может сказать, что он имеет глубокое сердце и чуткую душу, если он не знает бессонных ночей скорби, грустящих осенних вечеров, одиноких вьюжных снежных слез?! Страдание и боль обязательны для глубокого сердца, вспомните Достоевского,—и чем больше страдала молодость, тем она нежнее, благороднее, а, следовательно, красивее. Ошибки—неизбежность молодости. Но не кажется ли вам странной не раз слышанная фраза: „ошибки молодости,—дела юности". По-моему она звучит бессмыслено. Что-же, разве в молодости только делаем мы ошибки, необдуманности? Конечно,—нет! Все это—вздор, не верьте этим закоренелым предрассудкам. Только потому мы придаем такое значение нашим юным ошибкам, что эти-то ошибки—самые яркие и длительнее остальных в нашей памяти. В ошибках много красоты. Чем больше ошибок, тем больше чувства, а в молодости мы должны отдаваться все, не думая, не взвешивая. Только отдаваясь, все мы постигаем и воспринимаем всю красоту всю сладость и мощь любви. Любовь требует жертв, и эти то „несчастные" ошибки молодости и суть те драгоценнейшие жертвы, на которые только способно человеческое существо. А если любовь—основа молодости, если молодость проходит нежной, загадочной, обольстительной девушкой под знаком любви, то неизменными пажами ее будут: поэзия, живопись и музыка—три красивейших остановившихся мгновения. Если мы молоды, мы должны быть красивыми, мы должны быть чародеями. Молодость—пестрая изящная раковина, выброшенная на берег нашего духа морем жизни в звонкий солнечный день.

Я пестрых раковин причудливый узор
Люблю по целым дням рассматривать прилежно:
В них прелесть новую всегда находит взор...
В безмолвном гроте, там, где я любил так нежно,
Так много раковин... Вот пурпур на одной,
То—кровь горячая души моей мятежной,
Что вспыхнула и страсть зажгла в душе другой!..

(Поль Верлэн: „Раковины" из книги („Fêtes galantes").

Если мы,—ведь мы сейчас молоды,—задавши себе чисто-философский вопрос: „стоит-ли жить",—то я отвечу: стоит, но вся стоимость жизни в молодости. Жизнь обыкновенных людей, то-есть не художников, после тридцати лет ничто иное как отблеск погасшего солнца, а все-таки живут, догорают в этих лучах и находят свое счастье. Так какой же огромной и сияющей должна быть сама молодость, если даже по заходе ее солнца мы еще живем и доцветаем в ее лучах?! Все в жизни стремятся к гармонии, а что красивее гармонии любви? Что певучей и ярче ритма влюбленных сердец, для которых мир—только отображение их красоты и осиянности?

„В мире есть только одна значительная вещь—любовь" (Жоржъ Занд). Только в ней мы видим то, чего не видят другие, только в ней мы слышим то, чего не слышат другие, и то же только через нее И было бы мудро, если бы каждый из вас начертал на своем сердце:

Quis, quis amat, valeat;
Pereat, qui nescit amare!
Bis tanto pereat,
Quis, quis amare vetat!

Молодость,—творчество. Мы, творцы, и созданы для того, чтобы создавать. Искусные причудливые художники, обладающие такой изысканной несбыточной фантазией, алым струнным сердцем, взволнованной и алчущей душой. И жизнь молодости—жизнь открытых пытливых глаз. И так чарующи огни золотой целующей радости, рубины и опалы снов, бледные слезы, как белые тихие лилыши дрожащие на трепетном зрачке. Молодость—это всем являющаяся прекрасная дева, которую мы должны полюбить, покорить и с ней ликующей пройти по миру...

О, дева нежная, как горние рассветы,
О, дева стройная, как тонкий кипарис,
О, полюби любви моей приветы,
О, покорись!

(Виктор Гофман: „Марина").

Будьте искусными, нежными чародеями и вы покорите эту прекрасную обетованную деву—молодость! Пойте ей гимны, пусть ваше сердце и душа соединятся, срастутся и расцветутся одним пышным, сладким цветком обольщения. Так цветите же, обольщайте чудную ласковую деву, а то она пройдет мимо вас. Цветите, любите, творите и помните: дева проходит только однажды, молодость только одна. Если бы было можно, то я осыпал бы вас неисчислимыми сравнениями, музыкой слов напоил бы я вас, чтобы вы неверующие, не чувствующие всю красоту, мощь и ценность молодости почувствовали, уверовали бы и возлюбили бы нежную, благоуханную певучую молодость.

Анатолий Вашков.

Москва 1918 г., октябрь.

*) Толкование мысли Шопенгауэра: „только в юности мы живем вполне сознательно, в старости же—лишь наполовину".

Букет ландышей.

С букетом ландышей иду я снова к ней,
И, чуткий, чуть ловлю трепещущую даль.
Окован страстью я, и с музыкой цепей
В букете ландышей несу свою печаль.
— Люби меня и ты. О прежним не рыдай
И в злобе не топчи любимые цветы.
Возьми меня, как есть. Люби меня,— и знай:
С букетом я принес тебе свои мечты.
Не думай ни о чем.— Но помни о цветах.
Любимые цветы не скоро будут вновь.
Возьми же их, возьми! Они почти в руках;
Свободный — я принес свободную любовь.

Н. Кудрявцев.

Я встретил тебя среди бала
В блестящей и шумной толпе;
Не знаю,—меня ты узнала;
Ты веер держала в руке.
Глаза были полны истомой,—
Ты грусти финалы пила;
Чужой и лишь светской знакомой
Тогда ты ко мне подошла.
Я встретил тебя на вокзале,
Шумел и пыхтел паровоз;
Ты в траурном платье и шали
Предстала с букетом мимоз.
Хотел и тебе в откровеньи
Все муки, желанья принесть.
Была ты призрачною тенью,
Несла мне ужасную весть.
С тех пор не встречался с тобою.
Быть может, и ты умерла,
Но яркою чудо-звездою
Ты путь осветила, сожгла.

Г. Шидловскій.

Я хочу твоей любви затаенной, своенравной,
Молчаливой и глубокой как осенняя вода.
Нет тебе в твоем молчаньи и таинственности ровной,
Ты одна не умолима вдохновенна и горда.
Ты разишь стальным зрачком холодеющим и синим,
И вскрываешь тайны сердца упоенного тобой.
Так уйдем с тобой в туманы, поразвеемся и сгинем,
Побежим к пескам и морю и подслушаем прибой.
Ты как бледный лик луны одинокій и безстрастный,
Утони во мне как в море убаюканный волной...
Шопот шелест, шум и шорох утомленный и неясный,
Сочетают наши души арматною весной.
Я увью тебя в тиши негой белых грустных лилий,
Лепестки травы подводной в косы русыя вплету,
Без мучений, без рыданий, жалких немощных усилий,
Мы отделимся от мира, вознесемся в темноту.

А. Вашнов

Май 1918. Москва.

Возвращение в Туркестан.

Я вернулась, с кавказских вершин снеговых,
В раскаленную степь Туркестана,
Чащу сосен покинула я вековых,
Для обломов, руин Тамерлана.
Средь горючих, покрытых джусаном песков,
Родилась я под клекот орлиный,—
Мне служила шатром тень седых облаков,
Крик баюкал меня истребимый.
В этой дикой, кровавой степи я росла
Под напев заунывный номада
О железном Тимуре, о том, как прошла
Рать его, будто полчища ада.
И, покинув кавказский суровый хребет,
Вновь я в милом живу Туркестане,
Где под звуки дутары седой Мухамед
Мне о грозном поет Тамерлане.

Ширин—Кыз.

На Аму-Дарье.

(Из цикла: „Туркестанскіе арабески").

Мутные волны капризной Аму
Солнце, взойдя, осветило.
Светом прорезая угрюмую тьму,
Наш пароход озарило.
Белою чайкой „Царица" плывет,
Грудью струю разрезая.
Кто-то на палубе песню поет,
Утро приветом встречая.

Мечется, плачет и бьется река,
С хохотом дьявольским воя,
Злобно враждебные рвет берега,
В русло стремися Узбоя.
Катятся волны сердитой Аму
Пеленой яростью полны.
К Каспию старцу, верните к нему!—
Шепчут тоскливые волны.

Ширин—Кыз.

Несколько слов к молодежи о вокальном искусстве.

(*Продолжение*).

Несомненно, и в опере есть артисты чисто искусственные и артисты „чувства".

Шаляпин знает каждый свой звук, знает каждое слабое место в этом звуке и каждое сильное. Роль изучена удивительно и в Борисе, и в Сальери, и в Мельнике. Но у него голос, огромный драматический талант,—и все выходит ярко, все непосредственно. На нашей оперной сцене когда то Корсов владел мастерством носить костюм и имел талант романтического оперного трагика. А драматическим темпераментом наделен был Фигнер, умевший из голосового материала создавать и нежность, и силу. Крутикова, Дейша-Сионицкая соединяли пение с драматическим театром.

Собинов внес столько лирической поэзии в Чайковского, в Бородина и Вагнера. Павловская имела яркий талант актрисы. Неждановa явилась превосходной артисткой пения при исключительной прелести звука. Она сильна, как актриса, она хорошо держится на сцене, и она поет, как скрипка Страдивариуса, и у нее есть приятная мягкость движений.

Бевиньи [1]) хорошо помнил и знаменитых баритонов Ронкони и Форо и определял их так: Ронкони—натура, а Форо—искусство.

Джорджио Ронкони должен был „распеваться", разгорячать свой голос.

Вначале он демонстрировал, имел носовые звуки. Но когда эти струны разогревались,—Ронкони поражал силой выразительности: страстью, нежностью гневом. Фора нужно было видеть в „Дон-Жуане". Это было совершенство фигуры, стиля, изящества. У Фора не было славы Ронкони, не было совершенства „искусственного искусства".

Львом оперной сцены был Томанью. И те же недостатки, что у Ронкони: вначале грешит интонация и в нос. А Отелло? Последние фразы над Дездемоной,—кто забудет? А вся фигура и походка, все эти движения тела, прямые, непосредственные.

Верди, говорят, был удивительный учитель. Недаром проходил он эту роль с Томанью. В могучую натуру он вкладывал искусство. И натура Томанью воспринимала это искусство с необычайной силой. Его репертуар был ограничен. Он мог творить только то, что было в его натуре. Он гениально пел, потрясая силой чувства, трио в „Вельгельме Телль",

[1]) Покойный маэстро капельмейстер.

но образ Арнольда изображался теми же прямолинейными, резкими движениями, как и Отелло.

А каковы были артисты старых времен: Петров—в Мельнике, в Фарлафе, Марио и Гризи—в дуэте 4-го акта „Гугенотов", Лаблаш—в Генрихе VIII („Анна Болейн Доницетти"), Грациани—в „Риголетто", Виардо—в „Фидес". Стоит прочитать у Теофиля Готье о Гризи—Норме, или у Мюссе о Малибран—Дездемоне, чтобы понять, какие были оперные актрисы, а не только певцы".

Вот знаменитая и примерная галлерея оперных артистов с их вокально-драматическими талантами.

Их искренность в искусстве сливается в одну красиво-толкую „действительность".

Оперное искусство должно быть тесно связано с драматическим.

Не каждый певец знает, что он поет, это—большой минус. Прежде чем петь что-нибудь, надо изучить детали смысла слов и тогда только, вникнув в сюжет, нужно в пении найти „душу" и передать ее в исполнении слушателям.

Каждый певец, каким бы он не обладал голосом,—могучим или слабым,—становится желанным певцом у слушателей, и его всегда будут слушать с удовольствием

Весьма ясно выражает эту мысль Розбах, утверждая, что голос нельзя отделить, от души, и в пении выражаются только чувства, будут ли то радостные или печальные; тон без чувства, без души не составляет пения; чувство только тогда может выразиться, вылиться в тонах, когда голосовые органы действуют совершенно правильно, когда голос свободен от всякой манерности, деланности. Деланность голоса у певца так же неприятна, как и деланность движения драматического актера, передающего в этих движениях то или другое душевное состояние.

Так, каждый певец, изучивший сольфеджировку, может спеть любую арию или романс, но чтобы передать написанное „с душой" и, главное, в исполнении,— немногие. Это достигается талантом артиста и детальным изучением глубины музыки.

„Разве сцена не искусство?..—говорит В. А. Крылов.—Разве не высокое наслаждение знать, что вот собралась ради тебя целая толпа людей и слушает тебя... Все—живые люди: каждый принес с собою в душе свое горе и свои радости, а ты в самую жизнь их врываешься... Они смеются с тобою вместе, они с тобою вместе плачут,—они расходятся обновленные, успокоенные от ежедневных трудов..."—

Нет!—Театр серьезное дело, и немало счастья в нем можно найти.

Н. В. Гоголь говорит, что „театр—это такая кафедра, с которой можно сказать миру много добра." „Театр—это школа" (Екатерина II).

Пусть молодежь обратит на все вышеизложенное особое внимание и увидит, как они прошли те подготовительные школы и каких достигли успехов.

Поэтому всякий начинающий петь, прежде всего, должен озаботиться о строго-правильной и прочной постановке своих голосовых органов, как об единственном солидном основании и верном ручательстве за дальнейшие успехи в пении.

Александр Хлебодаров.

ХРОНИКА.

Трудовая Колония для малолетних преступников.

Рабоче-крестьянское правительство ставя во главу угла деятельности—улучшение положения молодого, подрастающего поколения, как верного оплота будущего социалистическаго общества; перестраивает старые, казенные схолостические школы на трудовые—социалистические.

Разрушает старый оплот клерикализма, создавая, вместо церквей, народные дома и, вместо монастырей, коммуны и т. д.

Но пока эта идея не реализовалась еще в действительности, пока возрастающее поколение не об'ято еще всесоциальным педагогическим внушением, пока не проведено всеобщее обучение, гуманитарное обязательное обучение, пока многие дети еще находятся под влиянием и попечением своих родителей сплошь и рядом не могущих им преподавать идеи социализма или просто порочных,—до тех пор еще будет проявляться детская преступность.

Последние статистические данные народных судов показывают возрастание детской преступности.

Оставлял преступления, совершенные детьми, без последствия, значить развивать в них слабую сторону и оставить заразительный дурной пример для других.

Интересно отметить пример, который применяют в провинции для оздоровления будущего социалистическаго общества.

Возьмем уездный город Петровск, Саратовской губернии. Здесь местный Исполнительный Комитет наметил план открытия в городе трудовой колонии для малолетних преступников, закрыв для этой цели местный мужской монастырь, в котором и будет оборудована колония на 40 человек,

Заключенных малолетних преступников будут обучать грамоте, столярному и сапожному ремеслу и проч.

Вместо бездарного гнезда лодырей, ревнителей православной церкви, открывается учреждение, которые положит конец преступничеству.

Жан О-е.

В Литературной секции Московского Свободного Союза Молодежи.

В своем собрании, состоявшемся 3-го ноября, литературная секция вынесла следующия решения:

1) Признать к руководству следующий список писателей для изучения их творчества, а именно: Тургенев, Достоевский, Л. Н. Толстой, Кнут Гамсун, Д. Мережковский, Ев. Чириков, С. Лагерлеф, Р. Тагор, О. Уайльд, А. Н. Толстой, И. Бунин и Т. Щепкина-Куперник.

2) Предоставить право каждому члену, с ведома секретариата, производить запись в члены С. С. М. у себя на квартире, снабдив его для этого необходимыми материалами.

3) Дополнить повестку дня собрания, назначенного на 10-е ноября, собеседованием о пьесе Л. Андреева — „Профессор Стеркин", ввиду чего предлагается членам секции ознакомиться с означенною пьесою.

Художественный номер журнала с трехцветной богато-иллюстрированной обложкой выйдет в свет 17 ноября.

Продолжается подписка

на еженедельный, единственный в России богато-иллюстрированный большого формата журнал

„Жизнь и Творчество Русской Молодежи",

издающийся при самом живом и тесном сотрудничестве всей молодежи всех уголков России.

Подписная цена с пересылкой во все места России: на 12 месяцев—45 р., 6 месяцев—25 р., 3 месяца—13 р., 1 месяц—4 р. 50 к. Допускается рассрочка: при подписке—20 р., в декабре—10 р., в январе—10 р. и в апреле—5 р.

Требуются агенты для широкого распространения журнала.

ТРЕБУЙТЕ ИНСТРУКЦИЮ.

Товарищ! Наружили до сих пор ты еще ни чем не поддержал свой орган: ни сотрудничеством, ни подпиской, ни агентурой!

Торопись, товарищ, и оказывай самое широкое содействие своему единственному журналу!

ТОВАРИЩИ, желающие собирать пожертвования в „Фонд Издательства Русской Молодежи" по специальным листам, могут требовать таковые в Главной Конторе.

Свободный Союз Молодежи
при журнале „Ж. и Т. Р. М.".

Секретариат открыт по вторн. и четв. от 5—7 ч. вечера, в помещении Редакции. Там же запись в члены.

Театрально-музыкальная секция „Своб. Союза Молодежи" просит всех лиц, желающих принять участие в устраиваемом концерте-бале (артистов, организаторов и др.) зайти в секцию.

ОТ РЕДАКЦИИ.

В связи с недостатком бумаги, материалов и труда более, чем на 50%, Редакция начиная с седьмого номера, будет выпускать сокращенные номера журнала, которые будут выходить еженедельно; желая сохранить целость художественной стороны журнала, Редакция ежемесячно будет давать художественные выпуски, для каковой цели будут соединяться отдельные два или три номера в один.

Редактор: **Н. В. МАРКОВ.**

Издатель: *Издательство* **„РУССКАЯ МОЛОДЕЖЬ".**

Типография „РУССКАЯ ПЕЧАТНЯ", Москва, Большая Садовая, д. 14. Телефон № 2-06-35.